

ОЦЕНКА УГРОЗ КУЛЬТУРНОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ: МИГРАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Аннотация

В статье проанализирована модель трансформации культурного суверенитета России под влиянием миграционных процессов. Установлено, что территориальная концентрация мигрантов при отсутствии эффективных интеграционных механизмов создает институциональные условия, которые при внешнем воздействии могут перейти в фазу прямой угрозы. Предлагается типология сценариев трансформации культурного суверенитета, позволяющая позиционировать текущую ситуацию в России и прогнозировать ее развитие в зависимости от институциональных решений.

Введение

Под культурным суверенитетом в соответствии с Основами государственной культурной политики Российской Федерации понимается совокупность социально-культур-

ных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать зависимости от внешнего влияния и быть защищенным от деструктивного

САКУЛИН Сергей Вячеславович – научный сотрудник Центра миграционных исследований Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН), Россия, Москва, e-mail: sakulin.18@mail.ru, SPIN-код: 1408-1996, ORCID: 0000-0003-1798-7043

Ключевые слова: культурный суверенитет, миграционная политика, интеграция, ассимиляция, диаспоры, цифровая среда.

https://doi.org/10.48137/23116412_2026_3_22

идеологического и информационного воздействия¹. В настоящей работе культурный суверенитет рассматривается в контексте миграционной политики России. Под культурным суверенитетом в миграционном измерении понимается способность государства обеспечивать воспроизводство культурной матрицы принимающего общества (язык, нормы, историческая память, ценностные ориентации) в условиях устойчивых иноэтнических миграционных потоков. Ключевым параметром здесь выступает не численность мигрантов сама по себе, а институциональная среда их интеграции – именно она определяет, становятся ли миграционные процессы фактором развития или источником десуверенизации. Такой подход позволяет перевести дискуссию из плоскости эмоциональных оценок в плоскость анализа конкретных механизмов.

В политической науке понятие «угроза» не является нейтральной описательной категорией. Оно представляет собой социальный конструкт, который воспроизводится в ходе политического дискурса и служит инструментом легитимации определенных политических решений и делегитимации альтернативных подходов [1]. В случае миграционной политики дискурс об угрозах культурному суверенитету часто выполняет функцию смещения фокуса внимания с системных проб-

лем (недостатки жилищной политики, сегментация рынка труда, слабость интеграционных институтов) на этнокультурные различия, что позволяет избежать непопулярных, но необходимых структурных реформ [2]. В настоящей работе понятие «угроза» используется не как очевидная данность, а как аналитический конструкт, подлежащий деконструкции: различаются объективные риски, порождаемые институциональными дисфункциями, и их дискурсивная репрезентация, которая может искажать реальную картину. Такой подход позволяет избежать как недооценки реальных проблем, так и их гиперболизации.

В дискуссиях об угрозах культурному суверенитету внимание традиционно акцентируется на информационно-идеологических каналах: пропаганде, манипуляции исторической памятью, подрыве традиционных ценностей через медиа [3]. Однако такой подход не охватывает демографические и пространственные измерения. В исследовании К. Гринхилл отражено, что перемещения населения могут целенаправленно использоваться внешними акторами как инструмент принуждения и дестабилизации принимающих государств [4, р. 15-17]. В условиях гибридного противостояния этот инструмент позволяет воздействовать на внутриполитическую ситуацию без

¹ Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 17.06.2026).

прямого вмешательства. Миграционная политика в данном контексте выступает не как отраслевое направление, а как один из механизмов сохранения или ослабления культурного суверенитета.

Выбор миграционной политики в качестве фокуса анализа обусловлен тем, что она выступает государственным инструментом, который одновременно регулирует демографические, пространственные и культурные параметры присутствия мигрантов. Все остальные механизмы, такие как образование или медиа-контент, вторичны и зависимы от миграционного режима. При этом важно учитывать альтернативные объяснения: например, роль рынка труда, демографическая динамика, региональные различия. Однако именно институциональная среда интеграции выступает узлом, через который преломляются все остальные факторы. Без целенаправленной интеграционной поли-

тики даже благоприятные экономические условия не гарантируют культурной интеграции.

В работе проанализировано, как такие пространственные условия становятся проводниками внешнего влияния и какие каналы десувенинизации при этом задействуются. В отличие от публицистических трактовок², в российской академической литературе признается, что устойчивых замкнутых этнических анклавов в классическом понимании на территории России нет [5]. Однако отдельные зоны высокой плотности проживания мигрантов, связанные с рынком временного жилья и низкоквалифицированной занятостью, создают потенциальные институциональные риски. При этом основная угроза связана не с самими мигрантами, а со средой, которая при отсутствии продуманной интеграционной политики допускает формирование таких зон и их консервацию.

Теоретическая рамка исследования

Для анализа связи миграционных процессов и культурного суверенитета предлагается теоретическая модель, связывающая макро-, мезо- и микроуровни.

На макроуровне синтетическая теория международной миграции Д. Массея трактует миграционные потоки как самоподдерживающие-

ся системы. Миграционные сети снижают издержки и риски перемещения, создавая инерцию, которая сопротивляется политическому регулированию [6]. Это означает, что даже при изменении политического курса миграционные потоки сохраняют свою направленность, что создает институциональную

² Карта захвата России готова: Мигрантские анклавы пожирают русские города // https://tsargrad.tv/investigations/karta-zahvata-rossii-gotova-migrantskie-anklavy-pozhirajut-russkie-goroda_970628 (дата обращения: 18.06.2026).

инерцию – ключевой фактор, который необходимо учитывать при оценке эффективности политических мер.

На мезоуровне концепции «сегментированной ассимиляции» А. Портеса и «дифференцированного исключения» С. Касла показывают, что траектория интеграции мигрантов – от успешной ассимиляции до маргинализации – определяется не столько характеристиками самих мигрантов, сколько средой принимающего общества: политикой государства, структурой рынка труда, социальным контекстом [7; 8]. Отсюда следует, что пространственная концентрация мигрантов – это не естественный результат миграции, а производная от слабости интеграционных институтов. Иными словами, культурная десуверенизация начинается не с приезда мигрантов, а с неспособности государства выстроить адекватные механизмы их включения.

На микроуровне концепции культурного капитала П. Бурдьё и онтологической безопасности Э. Гидденса позволяют объяснить, как макро- и мезо-процессы трансформируются в конкретные политические эффекты. Культурный капитал (язык, нормы, символы) передается через семью и школу; его нарушение в условиях изоляции создает предпосылки для культурной фрагментации [9]. Во-первых, дети мигрантов, посещающие школы в зонах концентрации, часто оказываются в среде, где русский язык не является основным средством общения. Во-вторых, семейная социализация происходит в

рамках культуры страны исхода, а не принимающего общества. В результате у второго поколения мигрантов формируется гибридная идентичность, не привязанная ни к русской культуре, ни к культуре родителей. Это конкретный политический риск: именно эта группа становится наиболее уязвимой для радикальных идеологий, поскольку не имеет устойчивой ценностной основы, которую могла бы противопоставить экстремистским нарративам.

Параллельно у коренного населения та же пространственная концентрация мигрантов подрывает онтологическую безопасность – устойчивое чувство предсказуемости социальной среды [10]. Привычное городское пространство перестает восприниматься как «свое»: культурные нормы, язык и модели поведения становятся множественными. Реакцией на эту непредсказуемость становится рост ксенофобных настроений, которые создают электоральный спрос на популистские и националистические силы. Снижается доверие к институтам, неспособным обеспечить предсказуемость среды.

Эти процессы взаимно усиливают друг друга. Рост ксенофобии усиливает изоляцию мигрантов, что ухудшает социализацию. Маргинализация и рост экстремистских настроений среди мигрантов подпитывают ксенофобские настроения среди коренного населения. Замкнутый круг подрывает культурный суверенитет государства по двум направлениям: утрачивается контроль над воспроизводством культурной матрицы

среди мигрантов и их потомков; утрачивается доверие коренного населения, которое перестает видеть в государстве гаранта стабильности.

Таким образом, макро-инерция миграционных сетей создает устойчивый поток; мезо-институциональная слабость превращает этот поток

в пространственную концентрацию; микро-когнитивные эффекты (утрата онтологической безопасности у коренного населения и деформация идентичности у второго поколения мигрантов) замыкают цикл, делая культурную десуверенизацию самоподдерживающимся процессом.

Пространственная концентрация мигрантов в России

Применяя изложенную теоретическую модель к российскому контексту, необходимо операционализировать ключевое понятие. Под зонами повышенной концентрации мигрантов в работе понимаются административно-территориальные единицы (муниципальные образования, городские районы) или их части, в которых доля иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно или временно проживающих, превышает средний показатель по региону, при этом данная диспропорция сохраняется на протяжении длительного времени [11]. Часто в научной литературе или публицистике встречается другой термин – миграционные анклавов. В работе В.А. Волоха и А.Н. Сандугея феномен анклавизации рассматривается как пространственно-географический и социально-институциональный феномен, где этнические анклавов определяются как городские квар-

талы с компактным проживанием иммигрантских групп, в которых присутствуют институты, отражающие характерные культурные ценности и символы стран исхода [5]. Ученые фиксируют в российской практике отдельные случаи формирования протоанклавов – пространственно-географических образований с признаками анклавов, но без завершённой институциональной структуры. При этом исследователи обращают внимание на нарастающую численность второго и третьего поколения иммигрантов, что при сохранении существующих тенденций может привести к сукцессии местного населения и эскалации рисков образования полноценных анклавов [5].

Отсутствие в России классических анклавов объясняется доминированием временной (циркулярной) миграции, не предполагающей оседлости³. Однако по мере старения миграционных потоков и нату-

³ В 2025 году число трудовых мигрантов в России увеличилось до 2,3 млн человек // <https://www.vesti.ru/article/4885523> (дата обращения: 24.06.2026); У России есть кому поучиться // <https://www.kommersant.ru/doc/8398867> (дата обращения: 24.06.2026).

реализации части мигрантов временные зоны могут трансформироваться в устойчивые территории, особенно в условиях экономической стагнации и сокращения социальных лифтов. Отсюда ключевым условием трансформации является не численность мигрантов, а длительность их пребывания.

Центральным механизмом консервации протоанклавов выступает взаимосвязь, в которой экономическая маргинализация и культурная изоляция подкрепляют друг друга. Мигранты концентрируются в дешевом жилье и низкоквалифицированном секторе, что воспроизводит их социальный статус. Этот статус, в свою очередь, усиливает отчуждение от коренного населения и порождает замкнутость. Государство, не вмешиваясь в этот цикл, фактически легитимизирует его через бездействие. Однако парадокс заключается в том, что именно чрезмерная политизация миграционной проблематики отвлекает внимание от системных причин этого цикла – недостатков жилищной политики, сегментации рынка труда и слабости интеграционных институтов [12, с. 250-272]. Вместо адресной работы с экономическими и институциональными факторами государство и общество фокусируются на этническом измерении проблемы, что, по замечанию В.И. Мукомеля, приводит к тому, что многие социальные и экономические проблемы сводятся к поиску причин в фокусе межнациональных отношений [12, с. 250-272]. Таким образом, политизированный дискурс

выступает в качестве механизма, маскирующего институциональную недостаточность. Происходит подмена системных решений на риторику о «сохранении традиционных ценностей» и «угрозах национальной безопасности». Это конкретный политический механизм, который позволяет перекалывать ответственность с государства на этнические группы.

Важно подчеркнуть, что мигранты не являются пассивными объектами политики. Они обладают собственной агентностью: выбирают стратегии адаптации, формируют диаспоральные сети, активно используют цифровые платформы для поддержания связей с родиной и с другими мигрантами. Кроме того, современные миграционные процессы носят транснациональный характер: мигранты поддерживают множественные связи со странами исхода, участвуют в их политической и экономической жизни. Это измерение создает дополнительные каналы внешнего влияния, поскольку внешние акторы могут воздействовать на мигрантов не только через физические анклавы, но и через цифровое пространство, используя диаспоральные медиа, социальные сети и религиозные институты.

В контексте гибридного противостояния двойственная природа пространственной концентрации мигрантов проявляется в следующем. С одной стороны, это результат экономической логики. С другой – такие зоны представляют собой среду, где ослаблено присут-

ствие государственных институтов, что создает потенциальные возможности для распространения

влияния внешних акторов через диаспоральные сети и неформальные структуры.

Каналы уязвимости культурного суверенитета

Из приведенного анализа вытекают три взаимосвязанных канала, через которые миграционные процессы при неблагоприятных институциональных условиях могут создавать угрозы культурному суверенитету.

Первый канал – институциональная фрагментация. В зонах высокой концентрации мигрантов, где система образования, правоприменения и культурные учреждения не охватывают население в полной мере, возникают неформальные практики регулирования. Как отмечает Е.А. Гринченко, в таких условиях формируются устойчивые модели поведения, опирающиеся на неформальные нормы [13]. Политическое последствие: ослабление государственной монополии на правовое регулирование, снижение доверия к официальным институтам, рост влияния неформальных лидеров, которые могут быть использованы внешними акторами. Это создает условия для теневого управления территориями, что подрывает вертикаль власти.

Второй канал – деформация культурной памяти у второго поколения мигрантов. Дети мигрантов, растущие в замкнутой среде, часто имеют ограниченные контакты с коренным населением. Они не осваивают русскую культуру в пол-

ной мере, но и не сохраняют культуру страны исхода, что порождает гибридную идентичность. Политическое последствие: эта группа становится наиболее восприимчивой к радикальным идеологиям, поскольку не обладает устойчивой ценностной основой. Внешние акторы могут использовать этот когнитивный разрыв для вербовки, что создает риски безопасности. Кроме того, массовое наличие маргинализированной молодежи может стать источником социальной напряженности, которую внешние силы могут провоцировать и использовать в своих целях.

Третий канал – уязвимость диаспорных структур в цифровой среде. Цифровые платформы и мессенджеры создают новые формы пространственной организации мигрантских сообществ, не привязанные к физическому месту проживания. Закрытые каналы в мессенджерах используются для передачи информации о работе, жилье, правовой защите. Политическое последствие: эти каналы часто выпадают из поля зрения регуляторов, что создает риски распространения запрещенного контента. В долгосрочной перспективе это может привести к формированию «цифровых анклавов» – устойчивых виртуальных сообществ, которые воспроизводят

альтернативные ценностные и нормативные системы, не совпадающие с правовым и культурным полем принимающего государства, и которые могут служить инструментом внешнего влияния в условиях гибридного противостояния.

Все три канала взаимосвязаны. Институциональная фрагментация усиливает замкнутость, что способствует деформации идентичности у второго поколения, а цифровая среда предоставляет этим процессам новые инструменты. Вместе они создают системный риск, который может быть использован внешними акторами в рамках гибридного противостояния. Однако важно подчеркнуть, что эти риски остаются потенциальными до тех пор, пока не накладываются на определенные политические условия (например, экономический кризис, наличие внешнего воздействия). Без этих условий даже наличие всех трех каналов не гарантирует реализации угрозы.

С целью манипуляционного воздействия потенциальная и актуальная угроза могут смешиваться. В России сегодня фиксируется потен-

циальная уязвимость, а не актуальный миграционный кризис. Однако гибридное противостояние предполагает, что внешние акторы могут искусственно активировать латентные риски, используя информационное воздействие на мигрантские сообщества (дезинформация, вербовка) и на коренное население (разжигание ксенофобии). Таким образом, миграционная политика должна быть не только интеграционной, но и антикризисной. При этом важно не гиперболизировать угрозы, так как это может привести к контрпродуктивным мерам, которые усилят изоляцию мигрантов и подорвут доверие к государству.

Мониторинг этих каналов требует разработки системы эмпирических индикаторов, включающих динамику пространственной концентрации мигрантов, уровень их доступа к социальным услугам, образовательные траектории детей мигрантов и активность внешних акторов в цифровом пространстве. Однако на сегодняшний день такая система в России отсутствует, что само по себе является институциональным риском.

Миграционная политика России

Выявленные каналы уязвимости ставят вопрос об эффективности существующей миграционной политики. Если исходить из предложенной модели, то ответной реакцией на риски должна быть конкретная стратегия, включающая в себя: укрепление государственных

институтов в зонах концентрации мигрантов; создание программ культурной интеграции для второго поколения; мониторинг цифровых каналов с сохранением баланса между контролем и гражданскими свободами. Однако, как показывает анализ новой Концепции государ-

ственной миграционной политики на 2026-2030 годы, эти компоненты реализованы неравномерно⁴.

Утверждение Концепции (Указ Президента РФ от 15 октября 2025 г. № 738) зафиксировало на нормативном уровне связь между миграцией и национальной безопасностью. Новая Концепция содержит положения о приоритете национальной безопасности, о недопустимости формирования этнических анклавов, об усилении требований к знанию русского языка и российской истории. Однако при соотношении декларируемых целей с реальными инструментами обнаруживаются системные разрывы.

В новой Концепции сохраняются три проблемные зоны. Первая – асимметрия между контролем и интеграцией. Документ делает акцент на биометрической идентификации, ужесточении ответственности работодателей, усилении миграционного контроля, но уделяет недостаточное внимание позитивной интеграции. Имеющиеся в настоящее время интеграционные меры (языковые курсы, культурная адаптация) носят декларативный характер без конкретных механизмов.

Вторая зона – недостаточная дифференциация подходов к разным категориям мигрантов. Концепция не различает трудовых мигрантов (временных), переселенцев или второе поколение. Для каждой из этих групп механизмы интеграции долж-

ны быть разными. Для второго поколения ключевое значение имеет доступ к качественному образованию и социальным лифтам, а для временных мигрантов – знание языка и правовая грамотность.

Третья зона связана с неполнотой инструментария для реализации декларируемых целей. Концепция закрепляет ряд задач – пп. 27-а: «создание условий для адаптации иностранных граждан к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации»; п. 28-п: «формирование и развитие инфраструктуры, обеспечивающей содействие адаптации иностранных граждан» – однако механизмы их достижения остаются неконкретизированными. В частности, отсутствуют: финансовые нормативы и источники финансирования адаптационных программ; распределение ответственности между федеральным, региональным и муниципальным уровнями; индикаторы эффективности адаптационных мер (помимо декларативных ожидаемых результатов, перечисленных в п. 41).

Концепция фиксирует необходимость «недопущения территориального обособления иностранных граждан» (п. 16-г) и «противодействия формированию этнических (полиэтнических) анклавов» (п. 29-т), но не уточняет, какими именно инструментами (пространственное планирование, жилищная полити-

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 – 2030 годы» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490> (дата обращения: 17.06.2026).

ка, образовательные квоты) эти цели должны достигаться. Без конкретики на уровне подзаконных актов и региональных программ данные положения рискуют остаться декларацией.

При этом важно признать, что Концепция как документ стратегического планирования по определению не может содержать детальных операционных планов; однако для перехода от деклараций к действиям необходимы дорожные карты с указанием сроков, ответственных и ресурсов. На момент написания статьи такие документы отсутствуют. Вместе с тем, критика новой Концепции не должна игнорировать политические и фискальные ограничения. Усиление интеграционных механизмов требует бюджетных расходов. В условиях дефицита бюджета эти расходы политически непопулярны,

поскольку не дают быстрой отдачи и могут быть восприняты избирателями как «льготы для мигрантов». Кроме того, любое ужесточение интеграционных требований может вызывать протесты со стороны диаспор, что создает дополнительные политические риски. Таким образом, выбор в пользу контроля, а не интеграции, объясняется не только бюрократической инерцией, но и рациональным учетом краткосрочных политических издержек.

На сегодняшний день альтернативой может стать модульная интеграция – поэтапное расширение прав и доступа к услугам в зависимости от выполнения интеграционных требований (знание языка, трудовой стаж, отсутствие правонарушений). Такая модель позволит увязать контроль и интеграцию в единую систему стимулов.

Заключение

Проведенный анализ позволяет выйти за рамки констатации отдельных рисков и предложить типологию сценариев трансформации культурного суверенитета под влиянием миграционных процессов. Эта типология строится на пересечении двух ключевых переменных, выявленных в ходе исследования:

- эффективность институциональной среды интеграции (высокая / низкая);
- наличие внешнего деструктивного воздействия (присутствует / отсутствует).

Сценарий А: Институциональная интеграция + отсутствие внешнего воздействия. Культурный суверенитет сохраняется и укрепляется. Миграция становится ресурсом развития: мигранты интегрируются, культурный капитал принимающего общества транслируется через эффективные институты, онтологическая безопасность коренного населения не подрывается. Это идеальный тип, к которому стремится политика, но который в чистом виде редко достижим.

Сценарий Б: Институциональная интеграция + внешнее воздействие.

Даже при наличии интеграционных механизмов внешние акторы могут пытаться использовать мигрантские сети для дестабилизации. Однако эффективные институты выступают буфером: они снижают уязвимость мигрантов к вербовке, сохраняют доверие коренного населения к государству, оперативно реагируют на информационные атаки. Культурный суверенитет оказывается под давлением, но сохраняется.

Сценарий В: Институциональная недостаточность + отсутствие внешнего воздействия. Миграционные процессы ведут к формированию зон концентрации, институциональной фрагментации и деформации идентичности у второго поколения. Однако без внешней активации эти процессы остаются латентными, не переходя в фазу кризиса. Это текущая ситуация в России: риски присутствуют, но не реализованы.

Сценарий Г: Институциональная недостаточность + внешнее воздействие. Это наиболее опасный сценарий, при котором латентные риски активируются внешними силами. Институциональная фрагментация становится каналом для влияния через неформальных посредников; деформация идентичности у второго

поколения – средой для вербовки; цифровая среда – инструментом дезинформации. Культурный суверенитет переходит из потенциальной уязвимости в фазу актуального кризиса.

Предложенная типология показывает, что ключевым фактором, определяющим траекторию трансформации культурного суверенитета, является не столько внешнее воздействие (которое государство не всегда может контролировать), сколько эффективность интеграционных институтов (которую государство может и должно выстраивать). Именно институциональная среда определяет, перейдет ли Россия из «сценария В» (текущего) в «сценарий Б» (желательный) или в сценарий «Г (негативный)».

Новая Концепция миграционной политики без конкретных механизмов их реализации не обеспечит России переход из «сценария В» в «сценарий Б». Для этого необходимы: системные инвестиции в интеграционную инфраструктуру (языковые курсы, школы в зонах концентрации, программы наставничества); дифференцированные подходы к разным категориям мигрантов; мониторинг цифровой среды с сохранением баланса между контролем и гражданскими свободами.

Список литературы

1. Buzan B., Waever O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers. 1998.
2. Мchedлова М.М. Секьюритизация миграции: социокультурная онтология современности // Международная аналитика. 2023.

- Т. 14. № 3. С. 127–141. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-3-127-141.
3. Арканникова М.С. Культурный суверенитет как идеологема в медиадискурсе современной России // Российская школа связей с общественностью. 2005. № 36. С. 84–103. DOI: 10.24412/2949-2513-2025-36-84-103.
4. Greenhill K.M. Weapons of Mass Migration: Forced Displacement, Coercion, and Foreign Policy. Ithaca, NY: Cornell University Press. 2010.
5. Волох В.А., Сандугей А.Н. О противодействии созданию в Российской Федерации анклавов и некоторых мерах по формированию условий для временного проживания иностранных работников в России // Власть. 2024. Т. 32. № 1. С. 61–68.
6. Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium. Oxford: Clarendon Press. 1998.
7. Portes A. Migration, Development, and Segmented Assimilation: A Conceptual Review of the Evidence // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2007. Vol. 610. № 1. P. 73–97.
8. Castles S. How Nation-States Respond to Immigration and Ethnic Diversity // New Community. 1995. Vol. 21. № 3. P. 293–308.
9. Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood Press. 1986. P. 241–258.
10. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press. 1984.
11. Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 225–253.
12. Мукомель В.И. Миграционная политика и политика интеграции: социальное измерение // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН. 2008.
13. Гринченко Е.А. Социальные риски формирования этнических анклавов // Гуманитарий Юга России. 2023. № 4. С. 122–139.

SAKULIN Sergei V. – Research Associate, Center for Migration Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS), Moscow, Russia, e-mail: sakulin.18@mail.ru

Keywords: cultural sovereignty, migration policy, integration, assimilation, diasporas, digital environment

ASSESSMENT OF THREATS TO RUSSIA'S CULTURAL SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF HYBRID CONFRONTATION: THE MIGRATION DIMENSION

Abstract

This article examines the transformation of Russia's cultural sovereignty under the influence of migration processes. It establishes that the territorial concentration of migrants, in the absence of effective integration mechanisms, creates institutional conditions that, under external influence, may transition into a phase of direct threat. The study proposes a typology of scenarios for the transformation of cultural sovereignty, which enables the positioning of the current situation in Russia and facilitates the forecasting of its trajectory in response to varying institutional decisions.

References

1. Buzan B., Waever O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers. 1998.
2. Mchedlova M.M. Sek'yuritizatsiya migratsii: sotsiokul'turnaya ontologiya sovremennosti // *Mezhdunarodnaya analitika*. 2023. T. 14. № 3. P. 127–141. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-3-127-141.
3. Arkannikova M.S. Kul'turnyy suverenitet kak ideologema v mediadiskurse sovremennoy Rossii // *Rossiyskaya shkola svyazey s obshchestvennost'yu*. 2005. № 36. P. 84–103. DOI: 10.24412/2949-2513-2025-36-84-103.

4. Greenhill K.M. Weapons of Mass Migration: Forced Displacement, Coercion, and Foreign Policy. Ithaca, NY: Cornell University Press. 2010.
5. Volokh V.A., Sandugey A.N. O protivodeystvii sozdaniyu v Rossiyskoy Federatsii anklavov i nekotorykh merakh po formirovaniyu usloviy dlya vremennogo prozhivaniya inostrannykh rabotnikov v Rossii // Vlast'. 2024. T. 32. № 1. P. 61–68.
6. Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium. Oxford: Clarendon Press. 1998.
7. Portes A. Migration, Development, and Segmented Assimilation: A Conceptual Review of the Evidence // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2007. Vol. 610. № 1. P. 73–97.
8. Castles S. How Nation-States Respond to Immigration and Ethnic Diversity // New Community. 1995. Vol. 21. № 3. P. 293–308.
9. Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.
10. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press. 1984.
11. Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N., Ermakova M. Mesta rezidentnoy kontsentratsii migrantov v rossiyskikh gorodakh: yest' li pattern? // Sotsiologicheskoye obozreniye. 2020. T. 19. № 2. P. 225–253.
12. Mukomel' V.I. Migratsionnaya politika i politika integratsii: sotsial'noye izmereniye // Rossiya reformiruyushchayasya. Yezhegodnik / Otv. red. M.K. Gorshkov. Vyp. 7. M.: Institut sotsiologii RAN. 2008. P. 250–272.
13. Grinchenko E.A. Sotsial'nyye riski formirovaniya etnicheskikh anklavov // Gumanitarniy Yuga Rossii. 2023. № 4. P. 122–139.

Статья поступила в редакцию 18.06.2026.

Принята к публикации 17.07.2026.